Глава 55. Сны о главном. (Тонкс)

Где я? Что со мной? Как я вообще очутилась в этом жутком месте?

Странный черный песок пересыпается под ногами, несомый теплым ветров. Но почему в песне песка и ветра мне чудится эхо боевых кличей, грохот столкнувшегося оружия и крики умирающих? Может быть, потому, что темный песок у меня под ногами остро пахнет железом? Но ведь не может же быть так, что весь этот песок на необъятной, до самого горизонта, без конца и края, равнине — засохшая кровь? Ведь, правда, не может?

Сверху лился ровный, не дающий теней, свет. Я подняла взгляд… Купол неба выглядел так, как будто он был сделан из неравномерно-мутного стекла… Или, точнее — не стелка, а какой-то жидкости. Пятна и полосы медленно перемещались, создавая почти гипнотический эффект. Мне стоило больших трудов вспомнить упражнения по окклюменции, и суметь оградить свое сознание в достаточной мере, чтобы сосредоточить внимание на засохшей крови у меня под ногами.

И как раз в этот момент что-то невдалеке блеснуло у меня под ногами. Я сделала несколько шагов в ту сторону, и опустилась на колени. Передо мной был кинжал, большей частью скрытый в то ли в песке, то ли в засохшей крови. Признаться, поняла я это, только достав привлекший мое внимание предмет.

Кинжал был небольшим, около 10 дюймов длиной. Гарда его была сделана в виде феникса. Поднятые вверх, к лезвию, крылья были подобны усам даги, способным захватить и сломать вражеский клинок. Само лезвие, поднимающееся от клюва огненной птицы, было светлым и очень крепким.

— Кинжал главы Дома Феникса, — раздался голос у меня за спиной. — Он тогда так и не вернулся с Полей Темной крови.

Я резко развернулась, выставляя найденный кинжал вперед… и увидела то самое чудовище, которое когда-то мне уже снилось. Фиолетовые глаза, казалось, смотрят мне прямо в душу. Хитиновые мечеруки были подняты в защитную позицию.

— Что? — мертвое лицо расколола кривая усмешка. — Думала: проснулась, и все? Избавилась от меня? Зря.

Точно! Я же сплю. Я просто сплю. И мне надо проснуться.

Я полоснула лезвием найденного кинжала себя по руке. Боль была оглушающая, совершенно не соответствующая крошечной царапине. Когда же я прекратила с криком кататься по черному песку, оказалось, что тварь нависает надо мной, с интересом разглядывая, как я корчусь от боли.

— Зря, — флегматично произнесла тварь. — Кто знает, какие чары колдуны-оружейники Огненного Дома навешали на кинжал, предназначавшийся в подарок Главе Дома? Впрочем, кажется, теперь я уже если не «знаю», то вполне могу высказать обоснованную догадку: что-то болевое, рассчитанное вывести противника из боя даже небольшой царапиной. Любопытная идея. Надо будет взять на вооружение.

Я, не поднимаясь с земли, оглянулась. Почему я еще не в своей кровати? Почему я не проснулась? Этого просто не может быть!

— На твоем месте я бы не пробовала чересчур радикальные способы пробуждения, — как будто предугадывая мой следующий ход, сказала тварь, отодвигаясь подальше. Опасается кинжала-феникса? — Рискуешь. То, что произойдет сейчас с тобой — станет реальностью, когда ты проснешься. А с пробитым горлом, или перерезанной артерией просыпаться будет не слишком комфортно!

Я с ужасом посмотрела на кинжал в моей руке и захотела отбросить его… но почему-то не смогла. Он был такой красивый… Конечно, это была какая-то хищная, убийственная красота. Но все равно мне хотелось оставить его себе… пусть я и отчетливо понимала, что его не окажется рядом, когда я проснусь… или, точнее — «если» я проснусь. Какая пугающая мысль.

— Можешь называть меня «Аметист», — сказала тварь, поудобнее устраиваясь на змеином хвосте, заменявшем ей ноги.

Интересная формулировка. «Могу называть»… а могу, значит, и не называть. Не думаю, чтобы предводительница Рассвета.

— Что? — перехватила мой взгляд тварь. — Я как-то не так выгляжу?

В самом деле… Что может быть «не так» в змееногой твари с яркими фиолетовыми глазами и хитиновыми мечеруками, сидящая посреди необъятного поля пролитой в древние времена, да так и засохшей крови?

— Ой, — неискренне смутилась она. Левый клинок, росший прямо из запястья, со щелчком раскрылся, превращаясь в когтистую лапу. Пальцы щелкнули, и сбоку от нас возникло алое зеркало. В нем отражалась я, а вместо жуткой твари — стояла симпатичная девочка, чем-то похожая на Гермиону Грейнджер, подругу Гарри.

Твари и ее отражение переглянулись, прикоснулись к стеклу снаружи и изнутри. Мне стало дурно, когда мир вывернулся наизнанку. И теперь тварь отражается в зеркале, а передо мной стоит девочка.

— Почему… — я только начала формулировать вопрос, а Аместист, которую уже не хотелось называть «тварью» уже ответила.

— Этот облик чем-то нравится моему учителю и принципалу. Мне — несложно, а ему — приятно.

— А как ты выглядишь на самом деле? — видя, что по крайней мере «пока» меня не собираются убивать — я решила попробовать задать еще несколько вопросов. Глядишь и ответят.

— «На самом деле»? — переспросила Аметист. — А как ты определяешь, какой облик «истинный», а какой — «ложный»? Ведь поддержание собственного лица в любом состоянии не требует от тебя сил или внимания?

— Истинный облик — тот, в котором ты родилась, — озвучила я очевидное.

— «В котором родилась»? — смущенно переспросила Аметист, поворачивая голову к зеркалу. Сейчас вместо твари там отражался завернутый в пеленку младенец. — Боюсь, тот облик давно уже исчез в вихре перемен.

— Вот же… — пробормотала я. — Задаешь простой вопрос, а ответ получаешь… как будто про

кота Шредингера спросила.

Дедушка Вильям Тонкс, отец папы Теда, работал в свое время в британском ядерном проекте до самого Квебекского соглашения, после которого наши правители по сути, сдали наши наработки жителям мятежных колоний. Вот он-то и рассказывал мне про «кота Шредингера». В свое время идея кота, который одновременно частично жив и частично мертв — меня просто поразила.

— В истории с котом Шредингера, — внезапно сказала Аметист, явно расслышавшая мое бормотание, — сложным мне представляется только одно: понять, а что там, собственно, сложного.

— Что?! — я села прямо на песок.

— О! Хорошая идея, — и Аметист опустилась напротив меня. Зеркало при этом исчезло. — Давай сначала убедимся, что мы говорим об одном и том же. Мысленный эксперимент Шредингера предполагал, что кот закрыт в ящике с капсулой ядовитого газа. Там же есть некоторое количество делящегося материала и детектор, который связан с исполнительным механизмом, который может раздавить капсулу в тот момент, когда произойдет распад атома. Так?

— Да, — кивнула я. — И получается, что, пока ящик закрыт — состояние кота является суперпозициями состояний «жив» и «мертв»! Кот жив и мертв одновременно!

Аметист покачала головой.

— Для простоты чуть-чуть изменим условия эксперимента, заменив делящееся вещество на вполне себе макроскопическую рулетку. Попав в некоторые ячейки шарик замкнет контакты, вызвав срабатывание исполнительного механизма, точно такого же, как и в прошлом случае. И что же мы сможем сказать о состоянии кота, пока ящик закрыт?

— Ну, что кот… — я замолчала: до меня дошло. — Кот либо жив, либо мертв? Так же, как и в первом случае?

— Именно, — кивнула Аметист. — То есть, умопомрачающе сложное следствие квантовой теории превращается в тривиальное утверждение: «пока мы чего-то не узнали — мы этого не знаем»!

http://tl.rulate.ru/book/69520/1850737